

Марина Соколова

**Ринама Волокоса, или История
Государства Лимонного**

Марина Дмитриевна Соколова
Ринама Волокоса, или История
Государства Лимонного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4573049

Аннотация

«Это могло произойти только у нас на Луне, в нашей стране Лимонии. С чего это всё началось? Наверное, с того, что Ринама узнала государственный секрет. Секрет был так себе: государственное подслушивание. Однако для Лимонии это был очень большой секрет, потому что в ней всё было засекречено. С чего началась повальная засекреченность – бог его знает. Может быть, с большой лжи, на которой строилась вся лимонная пропаганда. А может быть, с „железного занавеса“, за который Лимонию старалась упрятать враждебная капиталистическая система...»

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	13
5	15
6	19
7	23
8	25
9	27
10	30
11	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Соколова

Ринама Волокоса, или История Государства Лимонного

"Учитывая разрушительный опыт использования атомной энергии в военных и политических целях, и с тем, чтобы предупредить губительные последствия неконтролируемого использования необычных способностей человека, а также устройств и приборов, созданных на этой основе, мы обращаемся ко всем учёным, общественности мира, правительствам и частным организациям, ведущим исследования в области биоэнергетики и необычных возможностей человеческой психики. Мы призываем заявить о недопустимости – в любых возможных случаях – использовать психическую энергию человека в каких-либо действиях против человечества и принять на себя добровольные обязательства никогда и ни при каких условиях не применять такое оружие и подписать международную конвенцию об этом".

Из ОБРАЩЕНИЯ участников международного коллоквиума "Новые рубежи экспериментальной медицины и энергия полей", Центр Дж. Фетцера г. Каламазу, штат Мичиган, США. 13 апреля, 1989 г.

*Страна Лимония – страна без забот.
В страну Лимонию ведёт подземный ход.
Найти попробуй сам – не буду я тебя учить.
Трудна дорога и повсюду обман,
Но чтоб не сбиться, у меня есть план,
Но я тебе не дам – не смей меня винить.*

Автор текста (слов): Катин С.

1

Это могло произойти только у нас на Луне, в нашей стране Лимонии. С чего это всё началось? Наверное, с того, что Ринама узнала государственный секрет. Секрет был так себе: государственное подслушивание. Однако для Лимонии это был очень большой секрет, потому что в ней всё было засекречено. С чего началась повальная засекреченность – бог его знает. Может быть, с большой лжи, на которой строилась вся лимонная пропаганда. А может быть, с «железного занавеса», за который Лимонию старалась упрятать враждебная капиталистическая система. Но это было очень хлопотно. Во-первых, Лимония была великой страной – супердержавой, как в страхе и ненависти прозвала её всё та же капиталистическая система. А во-вторых, она уже давно была не одна. После второй мировой войны ей удалось распространить свой социализм на ряд стран, расположенных в певорейской и яязатской частях Луны, и создать таким образом социалистическую систему против капиталистической. Да, именно так: свой социализм, потому что ни у одного лунного апологета социализма невозможно было отыскать описание общественного строя, который существовал в Лимонии до 90-х годов XX столетия.

Социализм оказался очень сложным и неоднозначным явлением. Судя по всему, руководители Лимонии в нём не очень хорошо разбирались. Но их пропагандисты напряглись –

и изобрели чудный «развитой социализм», который, вероятно, предполагал наличие до него «недоразвитого социализма». Это руководителей Лимонии не смущало, так как они находились в таком почтенном возрасте, в котором люди уже не смущаются, а думают о своих многочисленных болезнях. Когда находились? Создавалось впечатление, что почти всегда находились.

В 17-ом году XX века народ Лимонии совершил две революции под руководством своих руководителей. Понятно, что для того, чтобы сбросить с трона царя, нужно очень хорошо соображать. Тогда ещё руководители не находились в таком почтенном возрасте. Через два десятка лет они в него впали (те, которые не поубивали друг друга), и продолжали (по очереди) в нём находиться практически на протяжении всего социализма.

Что касается пропагандистов (агитаторов), то они до почтенного возраста не доживали, вероятно, подкошенные мощным интеллектуальным напряжением. Напрягая могучий интеллект, прыткие агитаторы объяснили революционному народу, что на Луне ничего хорошего не было и быть не могло до тех пор, пока на ней не созрел пролетариат. Пролетариату, который составлял ядро революционного народа, слушать это было очень приятно. Засучив рукава, он бросился – под руководством своих революционных руководителей, среди которых самым главным был вождь и учитель Нилен, – строить небывалую, невиданно счастливую жизнь для себя и вообще для всего лунного пролетариата. Он очень торопился, старался изо всех сил, потому что человеческая жизнь обидно короткая, а пролетариат хотел успеть пожить при коммунизме и осчастливить коммунизмом как можно больше людей на Луне. Ему помогало передовое, или нищее, крестьянство, то, которое тоже жаждало коммунизма. А также прочие сознательные элементы, которые пролетариат не отталкивал от себя, учитывая их стремление к коммунизму. Коммунизм заменил пролетариату лунный рай, а Нилен – Господа Бога. Поразительно, но факт: народ, всосавший религию с молоком матери, строил совершенно новое – атеистическое – государство. Потому что он его создавал – прежде всего и главным образом – для себя и для своих детей: новое, особенное, богатое, справедливое – от слова «правда»; долой ложь! долой бога! – ведь его нет и никогда не было. Так сказал великий Нилен, который прочёл это у Скарма.

Сам вождь когда-то принадлежал к дворянам, которых свергнул в 17-ом году с помощью революционного народа. В детстве он, как все жители царской Лимонии, верил в бога, точнее, в православного Христа, как царь, как дворяне, как имперская нация водяных, к которой он принадлежал. Он был, как все, только умнее, талантливее, пытливей, благороднее многих. Он рос в большой, дружной семье, среди образованных, трудолюбивых, порядочных людей. Все были хороши, но лучше всех был старший брат Шаас, который, конечно же, стал революционером, потому что не мог выносить несправедливость жизни. Почему царь – первый человек в государстве, если на самом деле он далеко не первый по уму, по таланту, по трудоспособности, по энергичности? Почему дворяне живут лучше рабочих и крестьян? Разве они больше их трудятся? Умный и образованный человек мог, если хотел, найти ответы на эти и другие вопросы, но от этого жизнь не менялась. Чтобы она изменилась, надо было действовать. И Шаас стал действовать против царя, против дворян, против зажиточных людей, чтобы улучшить жизнь. Царские ищейки поймали его и повесили. Будущий вождь лимонного пролетариата сделал единственно правильный для себя выбор пути – в революцию, за братом, за брата, но не на виселицу, а в новую жизнь, в новейшую историю. В новую жизнь царя он брать не собирался. Избавиться от самодержца было совсем не просто, нужны были помощники. Их гениально предсказал Скарм, предвидения которого Нилен гениально воплотил в жизнь. Но – не все и не до конца. Очень старался, но не успел, потому что его убили враги. Не сразу – постепенно. Он умирал несколько лет, тяжело, оторванный от работы, наблюдая, а иногда догадываясь, как товарищи по борьбе портят его дело и дело Скарма. Этому делу он отдал всю жизнь, все силы, весь ум, которого у него было очень

много, потому что он был гений революции. И, как гений, он понимал, нет, он просто знал, где ошибались пропагандисты, товарищи по партии и по борьбе. Он их поправлял, и они, как могли, поправлялись. Он был широко образованный человек и хорошо понимал, что на протяжении своей истории люди иногда были счастливы и без пролетариата. Но всё равно это была плохая история, потому что общества, в которых жили люди, были несправедливые. С помощью пролетариата и сочувствующих ему людей Нилена намеревался создать справедливое общество для пролетариата и сочувствующих ему людей. Естественно, для пролетариата, а для кого же ещё? Именно пролетариат помог Нилену избавить страну от ненавистного ему царя. Кто ещё был способен обречь себя на голод, болезни и смертельный риск, как не рабочие, которые и так жили в голоде, болезнях и смертельном риске? Разве что очень бедные крестьяне и некоторые другие очень обиженные или очень возвышенные люди. Вслед за Ниленом они все возненавидели царя – воплощение и главный оплот несправедливого лимонного общества; а также его близких, слуг, помощников, защитников, единомышленников. Царь и его приспешники паразитически жили за счёт счастья остальных людей и никак не хотели менять положение вещей, не хотели делиться с остальными украденным у них счастьем. Значит, их надо было заставить, раз не удалось уговорить. Мало кто из имущих соглашался делиться с неимущими своим имуществом. Был такой замечательный поэт Колб, самовлюблённый эстет, который, кроме себя самого, любил Прекрасных Дам и писал о них прекрасные стихи. Так вот, когда обозлённый народ сжёг его имение, он ничуть не обиделся, а, напротив, проникся судьбоносностью исторического момента и миссии обозлённого народа. И даже сочинил поэму «Семнадцать» во славу революционного народа и его миссии. Но таких сознательных граждан в Лимонии оказалось не много. Подавляющее большинство не только не желало отдавать чужим людям своё добро, не только категорически отказывалось работать на коммунизм для счастья пролетариата, но как раз совсем наоборот. Подавляющее большинство имущих лимонцев, те, которым это было под силу, хватались за оружие, готовые защищать до смертоубийства своё материальное благосостояние и моральное благополучие. В свою очередь, неимущие лимонцы, способные носить оружие, носили его и при необходимости стреляли из него по несознательным имущим. Мало кто знал, что представляла из себя эта необходимость, а самого умного – Нилена – на все необходимости не хватало. Он разрабатывал стратегию революции и гражданской войны, а также будущего счастливого государства. Он был готов на всё, чтобы спасти своё единственное дитя – революцию. Он стремился к счастью, не своему – он был почти пожилой человек и, конечно, понимал, что вряд ли доживёт до этого счастья. Он жил и работал для своей родной революции и своего родного пролетариата, который доверился своему родному вождю. И, конечно, вождь, как честный человек, не мог обмануть высокое доверие. Он голодал и холодал вместе со своим пролетариатом. Он вёл его к счастью, шагая по крови и грязи революции, через которые невозможно было перепрыгнуть, которые надо было пройти своими ногами. Отовсюду стреляли, лимонцы беспощадно уничтожали друг друга. Он тоже убивал, и его тоже убивали. Он не обижался на врагов. Как умный человек, он понимал, что это просто революция и гражданская война.

В истории Луны было много революций и гражданских войн, и среди них – ни одной хорошей. Но все они были не случайны и оказывали большое влияние на дальнейшее развитие истории. Практически после каждой революции в жизни Луны появлялось новое хорошее понятие. Стоило ли ради этого совершать революции? Он был уверен, что стоило. Тем более что после его Ноябрьской революции появится очень много хороших понятий и явлений; а если сильно постараться, то можно построить счастье хотя бы для пролетариата и других людей, способных разделить рабочее счастье. А это уже немало, учитывая, что для всех без исключения людей построить счастье пока совершенно невозможно. Он верил в пролетариат, как в детстве верил в православного Христа; именно в православного, а не в католи-

ческого, не в Будду, не в Конфуция и не в Аллаха, потому что ему, как водяному лимонцу, так было положено, предписано государственной властью, исторической традицией, нравами и обычаями Лимонии. Он не собирался отказываться от пролетариата, как отказался когда-то от православного бога и от всех остальных богов. Бога (богов) нет и никогда не было, его (их) придумали хитрые люди в корыстных целях. А пролетариат – вот он, готовый вместе со своим вождём возвыситься до прекрасной мечты и опуститься в грязь и кровь гражданской войны. Ослеплённый ненавистью враг убивает пролетариат, но он не иссякает, он никогда не иссякнет. И всё же очень жаль такой близкий, такой понятный, такой надёжный и такой доверчивый пролетариат. Надо убить как можно больше врагов, чтобы они убили как можно меньше рабочих, чтобы спасти революцию, чтобы скорее приступить к строительству пролетарского счастья. Главное – не повторить ошибок предыдущих лунных революций. Увы! Так думают все вожди, и пока это никому не удавалось. Кто знает? Может быть, Нилену это удалось бы осуществить. Но он не успел, потому что враги наконец добрались и до него. Тем более что это было не так уж трудно, потому что он от них не прятался. Он торопился сделать как можно больше для своей революции и для своего пролетариата. И он многое успел: выиграл революцию, выиграл гражданскую войну, заложил основы светлого будущего.

2

Ох уж это светлое будущее Лимонии! Это не было выдумкой коммунистов, как думали многие лимонцы, уставшие изумляться неуёмной фантазии пропагандистов. О светлом будущем мечтали водяные, страдавшие от отсутствия идеала; которых нация признала своими лучшими представителями. Это были удивительные люди. Почему были? Они и сейчас есть, они всегда будут в Лимонии. Именно им нация обязана мифом о водяной душе, тайну которой до сих пор разгадывают другие нации. Эта душа постоянно болит от несовершенства окружающего мира. Улучшение она воспринимает, как должное, а ухудшение – как катастрофу. Она не понимает, не хочет понимать, как ей может быть хорошо, в то время как на Луне пока ещё нет идеала.

Душа, как известно, понятие религиозное. После Ноябрьской революции религия из Лимонии ушла, а душа осталась. Жалко было безбожникам с ней расставаться; и она застряла в литературе, в искусстве, в речи, в повседневной жизни, в церквях, которые не смогла изжить революция. Разгадывали-разгадывали иностранцы водяную душу – и как будто, в определённой степени, её разгадали; более того, они как будто ею заразились. Вирус поразил народы Певоры, Яязы, Акимеры и в начале XXI века дал о себе знать. Как раз представился случай. Оставшаяся на Луне в единственном числе супердержава Акимера напала на крупное барайское государство Киар. У Акимеры были, разумеется, в Киаре свои интересы и, прежде всего, нефть. В Киаре был тоталитарный режим, усиленный восточной деспотией. Но мало ли на Луне осталось до сих пор тоталитарных режимов! Это ещё не повод для нападения. А вот разработка ядерной программы – это хороший повод. К началу XXI века на планете скопилось столько ядерного оружия, что им можно было уничтожить всю Луну, а может быть, и всю Вселенную, если бы были известны её размеры. Акимере нужен повод и поддержка Международной Организации. А она – возьми да и заупрямься! Ещё не иссякли воспоминания об удачном походе акимерских военных в развалившуюся Саювлогию. Международный капитализм с удовольствием расправлялся с остатками социализма. Он выиграл у социализма «холодную войну», и ему очень хотелось продлить победу. Вся мировая цивилизация помогала Саювлогии окончательно развалиться, избавиться от преступного лидера, который был повинен в политических преступлениях в такой же степени, в какой в них повинны все политики мира; а также освободиться от пережитков социализма, которые мешали Са, Юв, Ло и Гии строить цивилизованно-демократически-капиталистическое общество.

К этому времени Лимония похудела на 14-ть республик, растеряла все виды социализма и превратилась в криминальное государство с потугами на цветущий капитализм, который тоже начал агонизировать. Под руководством очередного доходяги страна неожиданно вспомнила о былом могуществе и забрэнчала оружием перед носом у Акимеры. Её праведный гнев, направленный на оставшуюся в гордом одиночестве супердержаву, подогревался недовольством и раздражением униженного и обворованного народа, ставшего опасным для власти. Президент Лимонии Ицлень, который доходягой был не всегда, зато всегда был пьяницей и популистом, учуял-таки красным от запоев носом общественное мнение, которое лежало на поверхности. Демонстрируя мощь, которой давно не было, он отправил для устрашения Акимеры военные силы, которые застряли на полдороге, потому что им нечем было заправиться. Тем не менее Лимония, как в лучшие времена, умудрилась напугать весь цивилизованный мир, кроме одинокой супердержавы, которая была сама по себе. Оскорблённая до глубины души Акимера стала мстить раздавленной Лимонии, упрекая её в чёрной неблагодарности. Она мстила своими и чужими руками довольно долго – вплоть до теракта, который унёс в могилу тысячи людей, чуть не похоронил самого акимерского пре-

зидента и всю Акимеру – в придачу. К этому времени, благодарение богу, Международная Организация, в основном, успела разобраться с бывшей Саювлогией – к удовлетворению всех заинтересованных сторон, которые пришли к закономерному выводу, что цивилизация – превыше всего, а бывшей Саювлогии хуже не будет. Хуже могло быть бывшему лидеру бывшей Саювлогии, суд над которым всё время откладывался; поэтому могло быть хуже, а могло быть и лучше, в зависимости от того, куда повернёт дышло мировой политики.

Оно повернуло в сторону Киара. И тут с Международной Организацией произошло что-то непонятное – она вдруг взбрыкнула, как необъезженная лошадь. Нет, сначала было всё привычно. Она твёрдо знала, что больше Акимеры и больше Лимонии ей следует бояться террористов. Теракт, унёсший жизни тысячи людей, потряс человечество. Кучка преступников, за которыми, без сомнения, стояли более страшные преступники, чуть не обезглавила Акимеру. Оправившись от первоначального испуга, потрясённая до основания супердержава бросилась на борьбу с терроризмом. Кто же, кроме террористов, мог против этого что-нибудь возразить? Акимера искала самого главного террориста. Почти нашла – в Ганафастине, но почти – не считается. Надо было продолжать поиски и борьбу. В длинном списке на очереди значился Киар. Барайская, а значит – террористическая, страна с подходящим для свержения режимом, к тому же – переполненная благословенной нефтью. Для соблюдения приличий Акимера нуждалась в поводе в виде ядерной программы, которую для неё должна была отыскать в Киаре Международная Организация. Цивилизованные и не совсем руководители, представленные в Международной Организации, ненавидели амбициозную Акимеру, при случае вставляли ей палки в колёса, но на крупные акции против неё никогда не решались. Претендовавшая на лунное господство супердержава рассчитывала на Международную Организацию, и та оправдала надежды – но только наполовину. Она не обеспечила Акимеру поводом для войны, но против самой войны ничего не имела. И Акимера, пренебрегая поводом, сделала первые военные пробы. Они оказались крайне неудачными – жертвами бомбардировок пали мирные жители. В политические разборки тут же вмешались журналисты, которые стали создавать лунное общественное мнение, неблагоприятное для Акимеры. Международной Организации не оставалось ничего другого, как присоединиться к нему в срочном порядке. Во всеобщей спешке всех опередил президент Цинафри. Он начал с отмежевания от Акимеры, продолжил развенчанием, а закончил яростным обличением. Разоблачать супердержаву было приятно и полезно, хотя небезопасно. Акимера стала срочно искать штрейкбрехеров и подтягивать войска к границам Киара. Она торопилась изо всех сил, потому что приближалась невыносимая для акимерзких военных жара. Разумеется, ей удалось расколоть возмущённое сообщество. Однако подавляющее большинство продолжало возмущаться. Под это возмущение выбившийся в лидеры президент Цинафри сумел присоединить к Объединённой Цивилизации ещё несколько стран. После чего он затаился в ожидании неминуемой расплаты. Но ему крупно повезло. Вопреки всему и вся, наперекор лунному общественному мнению, Акимера напала на Киар, довольно быстро одержала победу, а потом надолго завязла в чужой экономике и политике, так что ей было не до цинафрей. Эта война так бы и осталась проходным эпизодом в истории лунного человечества, если бы не водяная душа. Причём водяные здесь были ни при чём, при чём была их душа. Заразившись водяной душой, взвинченные и подстёганные собственной пропагандой лунные народы, как один великий народ, поднялись на защиту обиженного Киара. Они не могли больше выносить жестокостей и несправедливостей этого мира и были готовы умереть за светлое будущее чужих людей. Некоторые из них, например журналисты, так и поступили, не без помощи акимерзких военных. История человечества до сих пор не знала такого грандиозного порыва благородства. А ведь у народов с водяной душой были свои правительства, которые каждый день выходили на работу, где занимались политикой. Правительства были разные, и политика у них была разной. Но все они – по долгу службы и по человеческой

природе – боялись Акимеры, террористов и ... собственных народов. Одурманенные этим политическим букетом, правительства применили против народов грубую силу. Безоружные мужчины и хрупкие женщины противостояли вооружённым до зубов полицейским, страдая за счастье далёкого и чужого барайского народа. Впервые в лунной истории люди всего мира пренебрегли собой не ради меркантильных интересов, не ради несуществующих богов, а ради других людей, таких же лунатиков, как они сами. Ибо все жители Луны – лунатики; белые, чёрные, жёлтые, красные – они одиноки в этой неизведанной, беспредельной Вселенной; и кто же их защитит, кроме них самих? Правительства не могут; они существуют не для этого, а для профессионального долга. Полицейские и военные ненадёжны, потому что они подчиняются правительствам.

А вдруг на пределе этой беспредельной Вселенной живут какие-нибудь серо-буромалиновые люди, ещё лучше, ещё благороднее, ещё возвышеннее? готовые, как один, отдать за лунатиков свою единственную, бесценную жизнь? Ау, люди! Нет даже эха в бесстрастной Вселенной. Три миллиона лет мы живём в гордом одиночестве. Мы так привыкли говорить: мы – это все лунатики, умершие, живые, ещё не родившиеся; мы ждём гостей из космоса, а они всё не прилетают. За три миллиона лет мы очень соскучились по себе подобным. Мы немного опасаемся: а вдруг они очень страшные? Но страх одиночества сильнее страха неизвестности. Мы пытаемся познать тех, кого никогда не видели, а может быть, никогда не увидим, потому что они не существуют во Вселенной. Давайте не будем рассчитывать на инопланетян, а только на собственные силы. Мы – это сила. Давайте хорошо относиться друг к другу, ведь мы же – хорошие люди. Давайте делиться друг с другом тем хорошим, что у нас есть. Кажется, это называется коммунизмом, но это не суть важно. Приходите ко мне в гости – на Луне меня все знают, – я отдам всё, что вам понравится. Если вы – хорошие люди, вы много не попросите, а я всё равно дам, слово чести, даже если мне будет очень жалко с этим расставаться. Хотите, я поделюсь с вами своей водяной душой? На нашей планете она в большой цене. Её не убудет, а, наоборот, прибудет; она растёт и становится лунным достоянием. Люди с водяной душой пока не смогли защитить Киар, но когда-нибудь они спасут мир, а может быть, всю Вселенную. Я хотела бы, чтобы среди спасителей было много водяных, гораздо больше, чем во время киаро-акимерзкой войны. Простите водяную нацию, за время социалистического тоталитаризма отвыкшую от политической активности. Правда, Переделка и Постпеределка разбудили политическое сознание народа, но недостаточно. Беда в том, что наша душа слабо откликается на политику, вернее, в тоталитарном государстве привыкла откликаться под руководством вышестоящих органов. За годы Переделки и Постпеределки она научилась самостоятельно реагировать на голодный желудок и вести нас на митинги и демонстрации. Но киарские желудки находятся на очень большом расстоянии от нашей души, и она на них не реагирует – даже под руководством вышестоящих органов.

Из органов ближе всего ей собственный желудок; даже такой вышестоящий орган, как мозг, ей не указ. Она отучилась верить органам, их убогой пропаганде; и президенту Нутипу пришлось очень сильно постараться, чтобы убедить несколько сот водяных, что они не хуже цивилизованных наций и поэтому тоже должны жертвовать собой ради светлого будущего Киара. Президент Нутип, в основном, убедил своих бывших сослуживцев, благодаря чему снискал славу прогрессивного и дальновидного политика; а большинство водяных остались при своей аполитичной душе. Она болит от чужого горя и томится несовершенством жизни, но к мировым войнам она равнодушна, потому что это – всего лишь политика.

3

Было время, когда водяная пролетарская душа реагировала на любую пролетарскую душу и стремилась с ней объединиться. К этому её призывали души Скарма и Нилена. Надо полагать, и сейчас призывают, только водяной пролетариат вместе со своей атеистической душой больше никому не верит. Линтас вытравил из пролетарской души всю веру, а последующие за ним доходяги закрепили содеянное. Линтас был одним из руководителей революции, но о-о-очень маленьким. Таких руководителей в партии Нилена было немало, и все они занимали свои места, как фигуры на шахматной доске. Играл, разумеется, Нилен, а фигуры подыгрывали. Во-первых, потому, что на доске господствовала добровольная диктатура, во-вторых, потому, что среди фигур не было ни одной пешки, а в-третьих, потому, что гроссмейстер всегда выигрывал. Какой бы крупной ни была политическая фигура, Нилен всё равно был крупнее, и фигура вынуждена была это признать. Самому гроссмейстеру гениальность была нужна, чтобы правильно разыгрывать политические партии; однако собственную партию он никогда не «разыгрывал». Он любил её, как невесту, потом – как жену, лелеял, берёг, защищал, учил, заботился о её здоровье. От его союза с партией родилась Великая Ноябрьская революция. Она действительно вызвала к жизни много хороших понятий и явлений, которые даже Линтас не смог сильно испортить. Обиженные и угнетённые жители Луны поверили в то, что они могут победить своих обидчиков и угнетателей. Зависимые люди становились свободными, и зависимые нации становились свободными, и зависимые страны становились свободными. А что же стало с Ноябрьской революцией? В общем то, что происходит со всеми революциями. Насилие порождает насилие, а оно – новое насилие. Конечно, рано или поздно оно должно затормозить и остановиться. В Лимонии насилие тормозило медленно и со скрипом. Оно поглотило вождя революции, руководителей революции, революционеров и львиную долю населения. Тем не менее было очень много людей, любивших революцию. Те из них, которые выжили, строили в Лимонии счастливую жизнь. Они были победителями; как из неисчерпаемого источника, черпали из революции силу, энергию, уверенность в себе. Другие, которые ненавидели революцию, убежали от неё в другие страны. Там они выживали, убивали, при случае, победителей, пачкали революцию, приспособлялись или ждали лучших времён. Некоторые не выдерживали, возвращались в Лимонию, опять же приспособлялись и под руководством Линтаса строили новую, счастливую жизнь, если, конечно, выживали в несчастливой.

В старой жизни под руководством Линтаса выжить было не так уж просто. После смерти Нилена Линтас, который назначил себя его преемником, стал избавляться от людей, мешавших ему осчастливить народ. Таких людей оказалось немало, и ему пришлось перебить половину населения так, что вторая половина этого не знала. Обе половины начали строительство ещё под руководством Нилена. В обеих половинах зачинщиком был пролетариат; ему помогали крестьяне и другие люди, которые любили светлое будущее. Нилен любил пролетариат и уважал народ. Пролетариат и народ это чувствовали и платили ему той же монетой. Все вместе они ненавидели царя, помещиков и капиталистов и, завладев страной, приступили к созданию рабоче-крестьянского государства без царя, помещиков и капиталистов. Нилен, выходец из дворянской семьи, по сути был больше рабочим и крестьянином, чем они сами. Кроме того, он был образованнейшим, умнейшим, культурнейшим человеком; высокопрофессиональным, самоотверженным революционером; решительным, находчивым и жёстким политиком. Линтас таким не был, но ему очень хотелось его заменить – и как можно скорее. Нилен ничего не мог поделать, потому что его убили враги. Другие руководители могли и пытались возражать – и их убил Линтас. Не всех – некоторых посадил в тюрьмы, но многих из них потом всё равно убил, предварительно заявив народу, что они

сами этого хотели. Народ верил, он не мог не верить смертникам, которые убеждали его в своей вине. Кое-кто не хотел убеждать – их Линтас тоже убил, разумеется, чужими руками. Потом он убил тех, которые убили этих. Он долго не мог остановиться. Этому революционеру так понравилась революция, что он не хотел с ней расставаться. Вероятно, были и другие причины. Он убивал ради себя и ради государства; в какой-то момент разница исчезла, потому что он начал отождествлять себя с государством.

Это означает, что государство стало тоталитарным, да ещё с признаками восточной деспотии. Собственно говоря, оно до революций тоже было тоталитарным, но – без признаков. Признаки появились не от социализма, а от восточного происхождения коммунистического царя, который был лимонцем, но не был водяным. Он имел на это полное право, так как царская Лимония была империей. Она объединяла множество земель и наций, среди которых имперской была нация водяных – со всеми вытекающими из этого преимуществами. Водяному Нилену повезло – насколько может повезти гениальному революционеру, а зиргуну Линтасу не повезло – насколько может не повезти выскочке и мяснику. Но он не отчаивался, он решил исправить историческую несправедливость. В свою столицу он нагнал много зиргунов, чтобы они создавали национальный колорит. Не все зиргуны прониклись величием нового вождя – их пришлось убить. Боже правый, кого только не пришлось убить! Водяных, которые, как бывшие имперцы, представляли особую опасность; революционеров, которые, как бывшие товарищи, представляли не меньшую опасность; рабочих и крестьян, строивших рабоче-крестьянское государство и представлявших постоянную опасность; разных людей на всякий случай; друзей и знакомых, знавших слишком много; их родственников, которые могли за них отомстить; друзей, знакомых и родственников их друзей, знакомых и родственников, которые внушали страх, граничащий с шизофренией.

4

После того, как Линтас всех поубивал, выяснилось, что он создал тоталитарную страну.

А что было делать? Народ, только что сбросивший с трона царя, просто не потерпел бы другого. Линтас хотел быть, как Нилен, но на него не потянул; пришлось стать коммунистическим царём. Это вождь обязан быть гениальным, а царь имеет право быть полуумным, полуобразованным, полукультурным получеловеком. И вообще кто сказал, что рабоче-крестьянское государство лучше тоталитарного? В принципе, царская Лимония была неплохая, только с крупным изъяном – в ней отсутствовал коммунизм. Стоило свергнуть Ликойана II, чтобы его место занял Линтас, потому что дворянско-буржуазный царь не хотел коммунизма, а коммунистический царь – очень хочет. Он ведь не для себя старается, у него всё есть, хотя ему ничего не надо; он старается для счастья лимонного пролетариата. А пролетариат сопротивляется счастью, и ни он один; он, видите ли, хочет управлять страной вместе с крестьянами – так его учил Нилен. А разве Линтас против? Пусть управляет, во всём соглашаясь с Линтасом. Разве не этого хотел бывший вождь Нилен? Именно этого, только Линтаса не учёл – и в этом была его ошибка. А Линтас себя учёл, он готов признать, что в коммунизме Нилен разбирался лучше его; зато он лучше разбирается в жизни. Спасаясь от тюрем и ссылок, Нилен много лет прожил за границей, а Линтас, когда не сидел, всё время вращался в гуще народных масс. Кто лучше его может знать, что этим негодьям и мерзавцам нужно для счастья? Чтобы осчастливить, приходится их много обманывать. Но тут уж ничего не поделаешь, сами напросились. Не могут забыть своего Нилена – приходится выдавать себя за его преемника; желают управлять государством – приходится делать вид, что это они управляют под его мудрым руководством; хотят жить в могучей стране – а он и сам не прочь; все, как один, ударились в просвещение – ему тоже не мешает подучиться; мечтают о бесплатной жизни – и он мечтает, разве он не коммунист? Разве он злодей какой-нибудь? Разве он не хочет процветания для своей собственной страны и своего собственного народа? Ну, конечно, хочет, только не для всего. Всего народа слишком много; непонятно, как Нилен с ним управлялся? Ведь на всех не хватит процветания! На половину должно хватить, на ту самую, которая верит в коммунистического царя, принимая его за вождя, или делает вид, чтобы не попасть во вторую половину. Вторая половина не достойна коммунистического процветания, пусть посидит в тюрьмах и поработает в лагерях; а если не любит коммунизм и не хочет на него работать – то можно и в расход пустить. Так даже лучше. Меньше народа – больше добра и меньше риска. Как Нилен его не боялся?

Все боятся, и Линтас тоже, как любой опытный руководитель. Только народ этого не знает, он не должен знать лишнее. А «лишнего» было очень много. Армия пропагандистов работала в поте лица, чтобы скрыть лишнее за горами непроходимой лжи. Чего только не напридумали! Разнообразные социализмы, контрасты капитализма, единство ниленизма-лонтасизма... Особенно тяжело пришлось с врагами народа – тут нужен был глаз да глаз. Грань между героями и врагами практически стёрлась. Прозеваешь тот момент, когда герой стал врагом, а враг – героем, – и сам окажешься среди врагов – в тюрьмах, лагерях или на том свете.

Прожорливая революция питается людьми – это давно известно, но знание не останавливает людей, которым она нужна. В 17-ом году революция была нужна пролетариату. Он предпочитал кормить её своими врагами, но и сам частенько попадал в её пасть. Что думал пролетариат о насилии? В общем-то его никто не спрашивал. Да он и не смог бы внятно ответить на этот философский вопрос, потому что в 17-ом году он был поголовно неграмотным. За него отвечала интеллигенция – а она за всех отвечает, потому что постоянно суёт свой нос туда, куда её не просят. Не вся, только самая интеллигентная. В те годы она отвечала чуть ли

не за всю Луну, так как вся планета погрязла в насилии. Перед революциями была мировая война, которая приучила людей к насилию. Оказывается, нас можно приучить к убийствам – и это очень страшно и опасно. Два изумительных лунных писателя не на шутку испугались за человечество. Один из них – водяной писатель Рийгокь, другой – цинафрийский писатель Лалнор, – которые не могли молчать. Они доверились друг другу, излили на бумагу свои опасения, гнев, предвидение; однако их предостережения прозвучали, как глас вопиющего в пустыне. Нет, пролетариат относился к Рийгокю очень хорошо, как к родному, пролетарскому писателю, но прислушивался только к Нилену и к самому себе. Благодаря революции, он возвысился над собой, воспарил к высокой мечте и под руководством Нилена начал по-своему обустроить своё государство. И здесь он готов был жертвовать собой – лишь бы получилось, он был счастлив сознанием своей великой миссии. Нилена убили – пролетариат сжал зубы и достойно пережил трагедию. Линтас заверил пролетариат, что сумеет заменить вождя; но коварный зиргун всех обманул, даже самого себя. Он жаждал власти над народом, которого боялся, как огня, и в безумном страхе косил его, как сорную траву. Обманутый и обескровленный, неиссякаемый пролетариат продолжал строить социализм. Так что же всё-таки получилось? Очень просто: у Линтаса – тоталитаризм, а у пролетариата – социализм. Мировая буржуазия, по понятным причинам ненавидевшая Линтаса, пролетариат и социализм вместе взятых, не вдаваясь в подробности, назвала этот строй коммунизмом. Но до коммунизма было ещё далеко. Лимонный народ, образовываясь и развиваясь, растил человека, который должен был отделить зёрна от плевел, а социализм – от тоталитаризма. Вместе с народом образовалась и развивалась великая страна, очень быстро превращавшаяся в супердержаву. Когда в былые времена Лимония была великой супердержавой? Да никогда.

5

В общем и целом она не жаловалась на отсталость; как и все, двигалась вперёд; кое в чём опережала варварскую Певору, пока на неё не напали артато-гноломы. Они предварительно захватили полмира – и выдохлись в большой Лимонии, с её пресловутыми плохими дорогами и героическим сопротивлением. Дальше в Певору артато-гноломы не пошли, а из Лимонии пили соки два столетия. Пока Лимония зализывала раны, Певора успешно развивалась. Ей стало скучно одной, и любопытство завело её на край Луны, где оказалась Акимера. Как и подобает варварам, певорейцы извели львиную долю аборигенов, а их богатства присвоили себе. Добра оказалось очень много; хватило и тем, кто остался в Акимере, и тем, кто вернулся на родину. Разбогатевшая Певора ускорила своё развитие, Лимония от неё явно отстала. Но лимонцы не собирались мириться со своим положением, они стали искать выход. Резкий скачок удалось совершить Каменному царю. Так его прозвали, вероятно, за то, что он создал себе памятник из камня – новую столицу Лимонии Каменногорск. Каменный царь просто заставил Певору поделиться с Лимонией певорейским развитием. Бывшие варвары, превратившиеся в просвещённых певорейцев, не пожалели для отсталой страны своего образа жизни, тем более что водяной царь ничего не имел против.

Хорошо это или плохо? И хорошо, и плохо. Было бы идеально, если бы удалось найти золотую середину, но никто не знает, где её искать. Откровенно говоря, это не первый и не последний случай в истории человечества. Зачастую вместе с прогрессом отсталые народы перенимают у передовых их образ жизни и мысли. Хотя известны и другие случаи. Это было очень давно. Тогда люди тоже воевали, потому что они всегда воевали, грозясь уничтожить друг друга, то есть самих себя. Древний Мри воевал с Древней Циергей – с переменным успехом. В глазах Циерги Мри был варварским государством. В конце концов варвары одержали победу над цивилизацией, взяли её себе и стали цивилизованными. Циергских богов они переделали в мриских, а некоторым даже изменили пол, чтобы их никто не узнал. Другими словами, Древний Мри подмял под себя чужую цивилизацию, и получилась циергская цивилизация с мриским человеческим лицом. Через несколько тысячелетий выяснилось, что оба государства были великими и у них есть чему поучиться потомкам. Таким образом, потомкам пришлось изучать одного и того же бога два раза, так как он приобрёл двойную национальность. Но это, скорее, исключение из правил. История привыкла к двум альтернативам: или прогресс приспособливает к себе отсталость, или отсталость уничтожает прогресс.

Чтобы Певора не заблудилась, Каменный царь прорубил в неё большую арку. Без сомнения, арка лучше «железного занавеса»; и это похвально, когда народы знают, где им следует общаться. Хорошо, когда через арку они обмениваются своими лучшими достижениями; а если пытаются подбросить друг другу свои худшие недостатки? Высокообразованный, талантливый, но грубый и неотёсанный Каменный царь не всегда отличал достижения от недостатков – и в Лимонию хлынули издержки цивилизации. Одним издержки понравились, другим понравилась цивилизация, третьи возненавидели цивилизацию вместе с её издержками. Но Каменного царя мнение народа не интересовало – он был прогрессивный деспот. Пропагандистов Каменный царь не держал, поэтому пропустил в историю много правды о себе и о своём времени. Тем не менее он воспринимается потомками как положительный исторический персонаж, который много сделал для Лимонии. Особенно по вкусу он пришёлся демократам за то, что прорубил арку, через которую они гурьбой бегают в вожделенную Певору. А те, которые по недоразумению остались на родине, тащат через арку всё, за что могут уцепиться, и живут себе припеваючи в певоремонте, для которого наворовали предостаточно денег. Впрочем, к другим царям они тоже хорошо относятся, осо-

бенно к последнему, Ликойану II, который от всех пострадал, но больше всего – от коммунистов, которые его убили. Создается впечатление, что всё, что делали коммунисты, они делали целенаправленно для демократов, которые отменили всё, что до них делали коммунисты, и стали делать с точностью до наоборот. Ликойана они возвели в ранг святого за то, что он пострадал от коммунистов. Кажется, это было его единственное достоинство. В Лимонии были другие убитые цари, но они пострадали не от коммунистов, поэтому на святых не тянули. Впрочем, они и не были святыми, они были лимонными царями, и каждый, в меру сил и способностей, исполнял свои царские обязанности. У них не получалось так эффективно, как у Каменного царя, больше таких рывков Лимония не делала. Тем не менее она старалась не отставать от Певоры, и ей это удавалось. Всегда выручал талантливый народ. Он дал миру блестящих учёных, мореплавателей, военных, художников, писателей. Это при всём при том, что огромная масса народа была безграмотна. Подавляющее меньшинство жило благополучно за счёт «тёмной» массы – как в Лимонии, так и в других странах. Но масса считала себя людьми. Обездоленные и униженные люди, не желавшие мириться с положением дойных коров, шли долго и тяжело от победы к победе, преодолевая рабство, уничтожение, страх, бедность, обречённость, ничтожность, безграмотность. В 1905-ом году они предприняли очень серьёзную попытку освобождения через революцию, но она не удалась. Они пошли дальше – и дошли до первой мировой войны 14-го года. Ликойан II послал свой народ на мировую бойню, разве мог он отстать от Певоры? Под флагом патриотизма тысячи людей гибли за передел Луны, который им был совершенно не нужен. В этой войне патриотизмом прикрывались все страны, но Лимонии он был особенно дорог. Огромная империя держалась на боге, царе и патриотизме, как Луна на трёх китах. Водяные привыкли любить своё Отечество; если чужой хотел попасть в привилегированные имперцы, он должен был стать водяным. Остальные народы жили в национальных окраинах, пользовались всеми правами порабождённых народов, любили, что хотели, если, конечно, их чувства не мешали водяному царю. И вдруг в Лимонии нашлась партия, осудившая патриотизм, посылавший людей на бессмысленную смерть. Это была партия Нилена, повсюду искавшая повод для долгожданной революции. Она выиграла у Ликойана II революцию и войну, обескровив агонизирующую власть. Впрочем, кто кого обескровил? Кто же всё-таки виноват?

Как любят в Лимонии этот вопрос, на который никто не знает ответа! Безрассудно благородный водяной народ во всех мировых грехах всегда готов обвинить самого себя, возможно, ещё и потому, что весь народ наказать невозможно. А может быть, виновата история, которую тоже невозможно наказать? А может быть, никто не виноват, потому что так должно быть, потому что иначе быть не может, и тогда это – хорошо? Неужели это хорошо? Никчёмный царь всем проиграл войну – с вытекающими из этого последствиями; война довела до ручки народ, у которого лопнуло терпение, – у того народа, который остался в живых; отчаянный народ вооружился партией Нилена, которая вовремя подвернулась под руку, всегда готовая к революции; партия Нилена с помощью народа приступила к строительству принципиально новой страны – на месте абсолютной разрухи, то есть на пустом месте, предвзительно избавившись от всего, что мешало строительству новой жизни. Ещё один вечный вопрос: что такое это «всё» и как от него избавиться? Кто бы на него ответил?

Партия Нилена оказалась лицом к лицу с незаконченной мировой войной, которую Ликойан II с треском проиграл; с родным народом, обнищавшим и обозлённым до предела, который несколько лет войны приучили к насилию; с яростным врагом, терявшим своё благополучие и благосостояние, то есть всё, то есть смысл жизни, то есть саму жизнь. Вопреки всему, расправившись со старой властью, новая власть начала создавать новое общество, убрав с дороги всё, что мешало, и даже намного более всего. Она не дотянула до восьмидесятилетия, потому что сама себя уничтожила. Власть называлась рабоче-крестьянской, но на самом деле она таковой не являлась, потому что Линтас выхолостил её

суть, заменив народную власть тоталитарной, то есть властью коммунистического царя, так называемого ксегена. За семьдесят лет ксегенская власть возвела на месте разрухи великую супердержаву – со всеми вытекающими лимонными и лунными последствиями. Она выучила неграмотную страну, состоявшую, в основном, из крестьян и рабочих; воздвигла высококачественную образовательную систему и всеобъемлющее здравоохранение; раскрепостила женщин, которые с энтузиазмом бросились в исконно «мужские» дела; построила мощную промышленность и мощное сельское хозяйство; защитила себя лучшим в мире оружием; воспитала непобедимый народ, который во вторую мировую войну спас от фашизма себя и весь мир; первой преодолела земное притяжение; создала прочную систему социальной защиты под названием «уверенность в завтрашнем дне» и высокую степень безопасности; вынянчила великое ксегенское искусство и литературу; распространила ксегенскую власть на другие страны, объединив их в так называемый «социалистический лагерь» – в противовес капиталистическому; начала осуществлять мечту революционных рабочих и крестьян о бесплатной жизни. Она заразила ксегенской идеологией полмира, а вторая половина, сохранившая своё здоровье, не собиралась с этим мириться. Здоровый капитализм отгородился от заразного социализма сразу же после Ноябрьской революции. Нилен понимал, что для опасного государства очень опасно находиться в изоляции от всего мира, и ему удалось пробить брешь в глухой ограде. Но по-настоящему опасной для капиталистического мира Лимония стала после второй мировой войны, которую она выиграла у фашистской Миянгеры.

Фашистская война была очень страшной. Миянгера поработила полмира и стала резать людей, как скот. В её коллекции не хватало чужеродной и притягательной Лимонии, на которую она напала самонадеянно и необдуманно в 1941 году. Окружённая враждебным капитализмом Лимония давно готовилась к обороне, хотя юной стране, строившей светлое будущее, война была противопоказана. В надежде избежать нападения Миянгеры или хотя бы его оттянуть Линтас заигрывал с фашистским лидером Лертигом. Но он перехитрил самого себя, поэтому Лертигу нетрудно было его перехитрить. Комичный и страшенький главный фашист, облапошивший весь цивилизованный мир, не сомневался в молниеносном успехе. Но он не знал, что в новой Лимонии новые люди стали непобедимыми. Это был удивительный народ, самозабвенно любивший свою новую страну и яростно ненавидевший бесчеловечный фашизм. Только в страшном сне ему могли присниться демократы, которые через пятьдесят лет с удовольствием полезут в клоаку в надежде отыскать сходство между фашистской Миянгерой и ксегенской Лимонией, между Лертигом и Линтасом. В чём же было это сходство? Может быть, в том, что Лертиг целенаправленно уничтожал чужие народы, а Линтас – свой собственный? А почему бы не сравнить Лертига с Наполеоном Бонапартом, Юлием Цезарем, Александром Македонским, которые тоже напали на многие страны, мечтая завоевать весь мир? Тогда главный фашист попадёт в историческую когорту выдающихся мужей и военачальников. Впрочем, и тут не всё так гладко, ибо в истории Луны Наполеон занимает, скорее, промежуточное положение – между блестящим полководцем и вероломным узурпатором. Кстати сказать, Линтас не нападал на многие страны с целью завоевать весь мир. Может быть, Лимония и Миянгера имели тождественное государственное устройство? Неужели Миянгера строила социализм? Миянгерский капитализм не являлся ни тоталитарным, ни развитым, ни недоразвитым социализмом, ни даже общенародным государством. Миянгера была капиталистической страной с реальной выборной системой, в которой народ недальновидно избрал себе фашистского лидера, заразившего фашизмом всю нацию. Линтаса в реальной действительности невозможно было ни избрать, ни переизбрать, потому что он был коммунистическим царём. Выходит, Линтас – ещё больший диктатор, чем Лертиг? Значит, он – ещё хуже фашиста? Действительно, какой лунный диктатор лучше или хуже другого? Возможно, Цезарь, или Македонский, или Наполеон? –

все они были диктаторами. Нет, они вне игры, они выдающиеся военачальники. А разве Лертиг не выдающийся военачальник? Возможно, Каменный царь? – ещё тот диктатор. Боже упаси! Он прогрессивный правитель и тоже выдающийся.

Очень сложно разложить диктаторов по полочкам, тем более что на Луне их было и есть видимо-невидимо. Нередко очень трудно отличить диктатора от недиктатора. Вот, например, Нилен: он – кто? Демократы уверяют, что он – диктатор, потому что устроил в партии – партийную диктатуру, а в стране – пролетарскую. А коммунисты утверждают, что он – любимый вождь и учитель, надежда всего лунного человечества. Был ли Линтас диктатором? Без сомнения, был – как самодержец, сосредоточивший в своих руках неограниченную власть над страной и над народом. Был ли он любимым вождём и учителем? Боже мой, кем он только не был! Даже «отцом народов» и «другом физкультурников» – в соответствии со своей разыгравшейся фантазией полуобразованного и совсем не культурного человека. Его отеческие чувства и дружеские намерения внушала вся лимонная пропаганда с раннего утра и до позднего вечера. Тех, кто не верил громогласно, вождь и учитель убивал или отправлял в места не столь отдалённые; тех, кто не верил молча, он беспокоил время от времени; а тех, кто верил громогласно, – награждал по заслугам. История умалчивает о том, кто из почитателей «друга физкультурников» был искренен в своей привязанности. Наверняка всеохватывающая и всепроникающая линтасская пропаганда одурманила немало полуграмотных и полукультурных мозгов. Чем она их запудрила? Любовью к диктатуре, то есть тоталитаризмом. Но тоталитаризм – это далеко не фашизм, а фашизм – далеко не всегда тоталитаризм. Если бы лимонцы сороковых знали, что их «продвинутые» внуки станут сравнивать их с фашистами, они бы, наверное, не стали рожать детей – те, которые выжили в борьбе с миянгерским фашизмом.

6

Что же это был за народ – лимонцы сороковых годов XX столетия? Невиданное и неслыханное сообщество людей, живших в пределах одного государства. В нём больше не было привилегированной, то есть имперской, нации. Между тем в Лимонии насчитывались сотни наций, которые все были равны перед коммунистическим монархом. Лукавый «отец народов», выделяя бывшую имперскую нацию – водяных, сам себя называл «водяным» – правда, с сильным зиргунским акцентом. На деле он благоволил к родной зиргунской нации, к той её части, которая принимала его за великого; окружил себя зиргунами; наводнил ими лимонную столицу, искусство, культуру – вообще всё, что мог наводнить. Впрочем, он старался не только для своего маленького, но гордого народа, а для всех многочисленных народов, населявших необъятную Лимонию.

В новую жизнь разные лимонные народы вступили по-разному: каждый – со своим историческим багажом. У одних этот багаж был цивилизованным, у других – средневековым, а у третьих – пещерным. В новой стране новые люди должны были стать одинаково цивилизованными. В царской Лимонии, которая переводилась, как «страна водяных», водяные были имперцами. Лимонный царь, который сам был водяным, ориентировался на свою нацию; другие нации при лимонном царе жили так же, как жили до него, – царь им не мешал, но и не помогал. Лимония была мягкой империей; нацмены имели право жить, как привыкли: южные народы – в средневековье, а северные – в обнимку с белыми медведями. Самой цивилизованной была, естественно, водяная нация. По замыслу новой власти, которая ориентировалась не на водяных, а на угнетённое человечество, бывшие имперцы обязаны были поделиться с нуждающимися своей цивилизацией, умом, опытом, талантом. Неиссякаемая нация, сильно поредевшая и обедневшая после революций и войн, порастерявшая своё просвещённое и культурное достояние, со счастливой улыбкой легла на социалистический алтарь – под звуки хвалебной линтасской пропаганды и атеистических псалмов. Водяной пролетариат, превратившийся в героический символ революции, готов был потом и кровью доказывать своё высокое предназначение – открыть дорогу в коммунистическое счастье для всего братского лунного пролетариата.

У пролетариата нет национальности, потому что мир делится не на нации, а на пролетариат и буржуазию, которую надо победить. По дороге к победе попадается кто-то ещё, с которым приходится считаться. У этих «лишних» людей, выпавших за рамки коммунистического учения, естественно, нет пролетарской сознательности; их необходимо просветить и, слившись со всем лунным пролетариатом, рвануть в невозможное счастье, прихватив с собой все несознательные, но достойные элементы. Такова лунная миссия водяного пролетарского мессии.

Он всё время мешал ксегену строить тоталитарное государство, никак не хотел понять, что на Луне не может быть двух мессий. Казалось, Линтас смирился со статусом – кво: наследник Нилена строил тоталитарное государство, а ученик Нилена – коммунистическое. Водяной пролетариат всё больше сливался с лимонными рабочими и с лимонными «лишними» людьми; растворялся в них, неся в лимонные массы свои знания, опыт и энтузиазм. В конце концов интригану, фарисею и убийце Линтасу удалось приспособить водяной пролетарский раствор к своему тоталитарному государству. Низвергнутый мессия занял почётное место застрельщика и вперёдсмотрящего, а вместе с ним – вся водяная нация, ядром которой он являлся в ксегенском государстве. Ксегенская Лимония жила не для водяной нации, а за счёт водяной нации, другими словами, страна перестала быть империей.

Не будем жалеть водяных, тем более что бывшая имперская нация ощущала себя не жалкой, а великой и счастливой строительницей коммунизма, пока не раскусила обман.

Лучше послушаем демократов с водяной душой, которые нашли другой объект для жалости и защиты. Конечно же, это ейверы – вечно обиженная нация. Логика у демократов всё та же – сногшибательная: раз Лертиг целенаправленно истреблял ейверов в печах, душегубках и концлагерях, значит, Линтас – такой же фашист. Но ксеген не уничтожил целенаправленно ейверскую нацию. Он запугивал все лимонные народы, чтобы боялись, любили и уважали, чтобы не мешали создавать тоталитарную страну, а, наоборот, помогали. Испытывал ли он ненависть к какой-нибудь нации? Кто его знает? Он прятал глубоко в себе свои чувства, а вот страх постоянно выходил наружу. «Отец народов» погубил столько людей, что ему было, кого и чего бояться. Он царствовал тридцать лет, его патологический страх всё больше граничил с шизофренией; и под конец жизни, пугая всю страну, он сам напугался насмерть. Больной ксеген, следуя своей особенной логике, вместо того, чтобы лечиться, расправлялся с врачами – по сложившейся у него привычке. Случайно или не случайно врачи оказались ейверами? Не исключено, что хитроумный политик решил сыграть на обывательских чувствах лимонцев, которые недолюбливали ейверов, как, впрочем, остальные жители Луны.

В глазах мировой общественности каждая значимая нация имеет свой обывательский и исторический облик. Например, цинафрийцы-лягушатники, алияитцы-макаронники, водяные – пьяницы, а ейверы-бесстыжие приспособленцы. Насколько этот облик соответствует действительности? Настолько, насколько прав обыватель. Это – обывательский облик. В глазах лунных обывателей ейверы – бессовестные ростовщики, способные выжимать деньги из любой ситуации. Исторический облик наций – гораздо сложнее и, как правило, намного положительнее. Правда, ейверам и тут не повезло. Они умудрились предать своего соотечественника Христа, который после смерти стал любимым богом лунатиков.

Христианская церковь не могла простить это ейверам две тысячи лет; а вместе с ней – многочисленные нации, поклонявшиеся Христу. В этих невероятных исторических условиях ейверы выжили, пройдя небывалый естественный отбор. Как всем остальным лунатикам, ейверам хотелось жить, и жить – хорошо, а для этого подходили все разрешённые средства. Как ни странно, ейверам нередко удавалось жить хорошо; они не церемонились с людьми, которые с ними не церемонились. Выживая, ейверы боролись, приспособлялись и снова боролись. Естественный отбор выдерживали самые сильные, хитрые и талантливые. Они приспособлялись и боролись на всей Луне, в том числе – в партии Нилена. Партия была радикальной, она собрала самых обиженных и угнетённых. В имперской Лимонии ейверы были самыми обиженными и угнетёнными. Для них светская власть придумала черту оседлости, чтобы, как собакам, указать на место; а церковная власть, слившаяся со светской, периодически устраивала погромы, чтобы отомстить за погубленного Христа, который не стал бы богом, если бы не умер.

У партии Нилена был другой бог – пролетариат, а значит, она не делила людей по национальному признаку. В ней было много обиженных ейверов, немало представителей разных народностей, также обиженных имперской властью. Их всех собрал под своё крыло водяной имперец Нилен. Среди них был недоучивший Христа Линтас, объегоривший даже ейверов. Избавиться от Нилена властолюбивому зиргуну помогли враги партии. Но впереди было очень много работы по созданию нового тоталитарного государства. Ему мешали водяные – великая имперская нация; пролетариат, возмнивший себя мессией; партия, не признававшая зарвавшегося выскочку; короче говоря, ему все мешали. Но не мог же он, право слово, уничтожить всех; кем бы он тогда руководил? Пришлось убивать выборочно: одних – больше, других – меньше. Кому досталось больше других – сказать трудно, тем более что Линтас не был заинтересован в статистике. Одно очевидно: тем, кого ксеген боялся больше других. Может быть, это ейверы? О коварстве и вероломстве ейверов, которые расправились с самим Христом, недоучившийся богослов узнал ещё на ученической скамье. Позже он убедился в этом на собственном опыте, когда вступил в партию Нилена. Хотя Нилена ейверы

слушались, признавая его превосходство, Линтасу они уступать не собирались. Претендуя на авторитет и влияние, они для начала выбрали себе преимущества под национальную убогость и угнетённость, получая привилегии в то время, как водяные их лишались. Для Линтаса ейверские карьеристы представляли большую опасность. А разве меньшую опасность представляли зиргуны? Неужели он меньше боялся водяных, которые теряли всё под громкие крики о том, что они приобретают весь мир? Так кто же всё-таки больше всех пострадал от Линтаса?

Милые мои! «Сочтёмся славою, ведь мы свои же люди, пускай нам общим памятником будет» неприятие всех тоталитаризмов и деспотий. Я беру на себя смелость в начале XXI века выступить от имени водяной нации, которая ни на кого не обижается, кроме Линтаса, и то – не за себя, а за другие народы. Великой нации не пристало обижаться, ныть и скулить; ей пристало действовать и бороться. За что? За государство. Против чего? Против государства. Государство – своеобразный аппарат, аппарат власти, защиты и насилия. Он создан людьми, чтобы над ними властвовать, их защищать и насиловать. Он властвует всегда, защищает в соответствии со своими интересами, а насилует, чтобы свои интересы защитить от людей, которые его создали. В государстве жить тяжело, но без государства жить невозможно. Мы обречены жить в государстве и подвергаться его насилию, когда его интересы не совпадают с нашими. Для этого государство располагает армией, полицией – всеми силовыми структурами. Но ни в коем случае нельзя забывать: государство нас насилует в такой степени, в какой мы это ему позволяем. Государство и Родина – не одно и то же. Государство приходится терпеть, Родину нельзя не любить. Родиной может быть двор, улица, город, страна, планета и даже – вся Вселенная. Водяные всегда любили свою Родину. В сороковые годы XX столетия для них Родиной была ксегенская Лимония. В ксегенской Лимонии водяная нация стала терять своеобразие; она цементировала собой все нации ксегенского государства, превращая это уникальное сообщество в так называемое общенародное государство во главе с коммунистическим государем. К этому времени в Лимонии подросло молодое поколение новых людей, с молоком матери всосавших ксегенскую пропаганду, потому что другой пропаганды они не знали. Подобно своим родителям, они беззаветно любили своё сообщество, свою Лимонию, своего лимонного государя и своё светлое будущее, которое было не за горами. Необъятная любовь и потрясающие успехи нового государства вселяли в ксегенский народ оптимизм, уверенность в своих силах, энтузиазм, святую атеистическую веру в неминуемую победу. Несмотря ни на что, это был народ – победитель. Он раздавил фашизм и привёл в восхищение весь мир. Авторитет Лимонии и ксегенской власти непомерно вырос на Луне. Линтас моментально этим воспользовался и помог ряду лунных стран сориентироваться в нужном политическом направлении. Благодарные народы, освобождённые Лимонией от бесчеловечного фашизма, полагали, что выбрали социализм гениального Нилена, но это был тоталитарный линтасский социализм. Некоторым вновь испечённым ксегенам очень понравилась их власть, и они служили ей верой и правдой до самого конца социалистического лагеря. Другие начали потихоньку разочаровываться, тяготиться навязанным лимонным лидерством – их грубо возвращал на место сначала Линтас, затем другие лимонные ксегены, пришедшие ему на смену.

Такая перспектива привела в ужас не поддавшиеся страны, и они начали скрупулёзную борьбу за родной капитализм, получившую название «холодной войны». Для начала они возвели «железный занавес» между капитализмом и социализмом. Капитализма Линтас не боялся – он без промедления принял вызов. Казалось, ему даже понравился «железный занавес», за который можно было прятаться самому и прятать свой народ, который был опаснее лунного капитализма. Кто мог предвидеть, как поведёт себя народ-победитель, узнавший правду о своём коммунистическом идоле? Но правда была скрыта за семью лимонными печатями, а лунные капиталисты ещё не нащупали слабое место своего идеологического

противника. Пока капиталисты выбирались из военных руин и думали, как им бороться с коммунизмом, Линтас обуздывал лимонный народ, который начал приходить в себя после ужаса войны и счастья победы. У ксегенского народа был непочатый край работы: надо было восстановить разрушенную страну, помочь новым социалистическим друзьям, пережить горе потерь, зарубцевать военные раны, обустроиться и под руководством Линтаса продолжить строительство счастливого коммунизма. Коммунистический горный орёл с высоты своего полёта зорко следил за своим ксегенским народом. Время от времени он камнем падал вниз и отлавливал самых ретивых строителей коммунизма. Но его силы были уже на исходе. Лечить коммунистического «орла» капиталисты не собирались, а лечиться у своих «орлят» он смертельно боялся. Страх кончился, когда наступила смерть.

После смерти запуганного тирана началась возня за власть. Вместе с победителем выигрывала или проигрывала страна. Она выиграла – но только наполовину. Власть захватил противник репрессий – неграмотный и некультурный Вёрщух, состоявший при Линтасе внештатным плясуном. Оправившись от страха перед трупом хозяина, низкорослый и лысенький вождь бросился очищаться от круговой поруки и отмываться от невинной крови. Он подновлял тоталитарное государство, грозил кулаком Акимере, стучал тупфлей в Международной Организации, засеивал кукурузой все поля и огороды. Но это ещё не всё. Вождь новой формации определил точную дату наступления коммунизма, чтобы светлое будущее не ошиблось. Разоблачения Вёрщуха вызвали у народа кошмарный ужас, а его метания – недоумение и смех. Рубаха-вождь будоражил страну недолго, его остановил очередной вождь – более грамотный и культурный, степенный Жевберн, пришедший к власти в результате дворцового переворота. Он положил конец метаниям и разоблачениям, однако возврата к репрессиям не было и быть не могло – хорошо постарался чудаковатый Вёрщух. Умелый интриган Жевберн воцарился надолго, абсолютная коммунистическая монархия постепенно уступала место конституционной монархии. Между тем страна продолжала развиваться по хорошо накатанной колее, превращаясь в великую мировую супердержаву. Она осваивала космос и осуществляла грандиозное строительство, придумывала фантастическое оружие и помогала «братским» странам и народам.

Напрашивается вопрос: каким образом страна могла мощно развиваться при таких руководителях? Господи благослови! А когда Лимонии вообще везло на руководителей? Ну, очень редко. Из этой констатации вытекает ещё один вопрос: в какой степени монархи являются руководителями государства? Вероятно, в разной степени, это зависит от монархов и от монархий. Ксегенское государство было особой монархией. Аппарат государственного руководства создавался гениальным Ниленом – не для монархической власти, а для власти рабочих и крестьян. Выдающемуся деспоту Линтасу удалось, выхолостив управленческие структуры, превратить рабоче-крестьянскую власть – в монархическую. Вёрщух и Жевберн были гораздо менее гениальными и выдающимися. Чтобы разбираться в политических тонкостях, пришлось бы очень много читать, а они с трудом читали только свои речи, да и то – написанные ксегенскими пропагандистами. Изменить политические структуры – им даже в голову не приходило; они только корректировали политику, экономику и идеологию – в соответствии со своим временем, своими взглядами и своей личностью. Политический, экономический и идеологический задел был дан на много лет вперёд, но – не навсегда. Разумеется, он нуждался в периодическом реформировании, в то время как «отцы реформ» – наследники ксегенского престола – с трудом выговаривали это чуждое словообразование. Пока они чудили и читали по бумажке, жёстко централизованный государственный аппарат руководил необъятной страной. А состоял он, между прочим, из честолобивых ксегенских граждан, которые пролезли в процветающую номенклатуру и продолжали лезть из кожи вон, чтобы жить в ней при настоящем коммунизме, тогда как весь остальной ксегенский народ жил при коммунизме недоразвитом.

7

Как же ему жилось при этом странном жевбернском социализме? Да хорошо жилось, но он, естественно, хотел жить ещё лучше, тем более что за «железным занавесом» был образец для сравнения. Народ считал, что имел на это полное право, потому что социализм – развитой, и он – развитой. На самом деле, лимонный народ сильно изменился. За послевоенные годы выросло новейшее молодое поколение, которое слыхом не слыхивало ни про какие репрессии, видом не видывало никакого другого режима, кроме ксегенского. Впрочем, старшие поколения тоже подзабыли линтасские репрессии и приучились считать ксегенский режим самым справедливым на Луне. Для этого у них было много оснований: бесплатное очень хорошее образование и бесплатное неплохое здравоохранение, доступная культура и отдых, гарантированная работа, пенсия, крыша над головой. Власть не обижала тех, кто ей подчинялся, и заботилась о законопослушных гражданах, как о любимых детях.

Сложнее дело обстояло с непослушными гражданами, которые не желали жить по законам тоталитарного государства.

В каждом государстве, как известно, есть люди, которые противоречат власти. В результате возникает конфликт, который здоровая власть пытается поскорее разрешить. Здоровая капиталистическая власть разрешает своим несогласным гражданам подавать на неё в суд, устраивать митинги, демонстрации и забастовки. В ходе выяснения отношений некоторые несогласные успокаиваются и становятся согласными. Другие продолжают конфликтовать, пытаясь победить власть; иногда им это даже удаётся; иногда они проигрывают и оказываются в тюрьме, в больнице или на улице. Большая ксегенская власть, которую заразили монархи-доходяги, всех несогласных превращала в безгласных, потому что они лишались права голоса и как бы переставали существовать. Подслеповатая власть доходяг не видела тех, кого не хотела видеть. Она в упор не замечала проституток, наркоманов и бомжей, потому что в «развитом социализме», который она объявила, для этой категории подданных совсем не нашлось места. Несуществующие проститутки, наркоманы и бомжи торговали телом, кололись и обживали улицу, тихонько подсмеиваясь над странной властью, которая, подобно увядающей кокетке, стеснялась надеть очки, чтобы не испортить внешность. Но были такие не учтённые «развитым социализмом» граждане, которые сами бросались в глаза, и тогда неповоротливая власть начинала шевелиться. Это были не гласные несогласные, то есть не «доступные для общественного ознакомления и обсуждения» так называемые диссиденты. Конечно, они не могли расколоть устоявшееся ксегенское общество и подорвать тоталитарную ксегенскую власть, но они мозолили ей глаза, и власть отправляла их с глаз долой, иногда очень далеко – за границу «железного занавеса». Там их подбирали идеологические противники, которые с их помощью добивались перелома в «холодной войне». Капиталистическим врагам вольно или невольно помогали социалистические друзья и рядовые ксегенские граждане, которые предпочитали плохой капитализм хорошему социализму. Они готовы были от всей души простить капитализму угнетение пролетариата за красивую и привлекательную капиталистическую жизнь. В справедливом социализме были четыре сорта колбасы, убогая одежда и дефективная мебель; а в несправедливом капитализме были семьдесят сортов колбасы, умопомрачительная одежда и ослепительная мебель. Выслушивая привычные сообщения о потрясающих победах тяжёлой промышленности и сельского хозяйства, рядовые ксегенские граждане мечтали о капиталистическом уровне жизни. У некоторых не выдерживали нервы – и они бросались на штурм «железного занавеса». Пробив брешь крепкой головой, они протискивались в желанную капиталистическую жизнь и служили живым аргументом капиталистической пропаганды. Все остальные бросались на штурм ксегенских магазинов – выстаивать очереди к полупустым прилавкам. Откуда же взя-

лись полупустые прилавки в ведущей мировой супердержаве, которая на пару с Акимерой контролировала весь лунный мир? Вопрос, конечно, интересный. В окружении враждебного капиталистического мира молодая ксегенская Лимония была вынуждена обезопасить себя мощными средствами защиты. Она обязана была выжить, причём своими силами, без какой бы то ни было помощи извне. Она не только выжила, но в короткий исторический срок превратилась в великое государство. Великим его сделал великий народ. В лунной истории народом принято называть неимущих, которые работают на имущих. Так и было в царской Лимонии. Она состояла из множества наций, покорённых водяной нацией. В каждой нации был народ, который работал на своих имущих и на водяных; имперский водяной народ работал только на своих имущих. Ноябрьская революция ликвидировала имущих. Неимущие народы ксегенская власть сплотила посредством водяного народа и коммунистической идеи; обманом, силой и посулами она заставила сплочённые народы работать на себя, выдавая себя за народную власть. Ненародная ксегенская власть считала себя коммунистической, и в лице Линтаса она возглавила строительство коммунизма с монархическим лицом. Лицо у Линтаса было малопривлекательное, но монарх он был скромный: львиную долю наработанного народами добра отдавал государству, а себе оставлял лишь самое необходимое монарху. В ходе строительства коммунизма народам тоже кое-что перепало, но государство было важнее, потому что именно оно демонстрировало преимущества коммунизма над капитализмом; народам демонстрировать было запрещено, потому что они могли продемонстрировать что-нибудь не то. По дороге к коммунизму государство демонстрировало разные стадии социализма. В поступательный процесс вмешался было неграмотный Вёршух, пытаясь поторопить светлое будущее, но коммунизм по его указке наступать не собирался. Пришлось Жевберну срочно менять обещанный коммунизм на «развитой социализм».

Таким образом, власти постоянно приходилось решать глобальные проблемы, и у неё просто руки не доходили до таких мелочей, как полупустые прилавки. Образованный ксегенский народ, в который трансформировались сплочённые народы, начал догадываться, что власть его обманывает, тем более что ему помогали капиталистические пропагандисты, прорывавшиеся сквозь свой «железный занавес» с помощью литературы и радиопередач. Ксегенский народ больше не хотел, чтобы его использовали ради коммунистического будущего, которое неизвестно когда наступит, а может быть, никогда не наступит. Он хотел счастливо жить в настоящем, а для этого ему было мало четырёх сортов колбасы; для счастья ему нужны были семьдесят сортов колбасы, умопомрачительная одежда и ослепительная мебель, как у капиталистов. Другими словами, он хотел в справедливом социализме иметь несправедливый капиталистический уровень жизни.

8

Попробуем разобраться в «развитом народе» времён «развитого социализма», составной частью которого была «развитая» Ринама Волокоса.

Прежде всего – он состоял из разных людей, у которых, тем не менее, было много общего. Разность обеспечивалась полом, национальностью, возрастом, малой родиной, образованностью, культурой, семьёй, профессией, характером; общность вытекала из государственной принадлежности. За семьдесят лет ксегенской власти многое удалось, в том числе сделать одинаково цивилизованными многих людей – в пределах замкнутого государства. Для этого власть посылала водяных в разные концы необъятной Родины.

На севере они вырывали своих «меньших братьев» из объятий белых медведей, а на юге – разгоняли гаремы. После чего они смешивались с нацменами и погружались в быт. Пятнадцать «смешанных» ксегенских наций жили на территориях своих бывших государств. Они сохранили национальный язык и национальную культуру, освящённую великой коммунистической идеей и подчинённую ксегенской власти. Разные нации общались между собой на водяном, брачном, коммунистическом и бытовом языках. На территориях захваченных Лимонией государств жили сотни равноправных наций, которые подчинялись ксегенской власти. Все имели одинаковые возможности, чтобы жить одинаково хорошо. Ксегенская власть не разрешала одним жить намного лучше других, делая исключение ради своего руководящего аппарата. Когда люди стали жить одинаково хорошо, им захотелось жить всё лучше и лучше. Перед ксегенской властью стояла сложная задача: обеспечить всем лимонцам лучшую жизнь. Пока руководящий аппарат перегревался от умственного напряжения, ксегенский народ искал лазейки в светлое настоящее, которое он заслужил. Семьдесят лет народ верой и правдой служил ксегенскому государству; государство разбогатело, а народ – не очень.

В стране практически не осталось неграмотных, практически все были с обязательным школьным образованием; очень многие – со специальным техническим; многие – с высшим. Соединение талантливого образования с талантливым народом дало поразительные результаты: «общенародное государство» превратилось в неисчерпаемый источник гениев, которые становились всё гениальнее и гениальнее – по мере того, как повышалась образовательная планка. Однако парадоксальное государство не было заинтересовано в избытке гениев, так как не знало, куда их девать. Негениальная власть опасалась доморощенных гениев; ей не хватало ума, чтобы с ними справиться. За расплодившимися ненужными гениями подтягивались просто талантливые люди. Вдохновлённые прекрасной и полуживой ксегенской пропагандой гении устремлялись к гениальной жизни, а таланты – к талантливой; но – не тут-то было. По проторенной дороге они успевали добежать до одинаково хорошего существования, а дальше – как в сказке: налево пойдёшь – в тюрьму попадёшь, направо пойдёшь – за границу выкинут. Впрочем, в отличие от сказки, была ещё одна дорога – наверх, в руководящий аппарат; талантливых туда брали, гениальных – нет. По дороге к счастливому настоящему ксегенские граждане узнавали жизнь, которая очень сильно отличалась от пропаганды, потому что жизнь шла вперёд, а пропаганда топталась на месте. Такая непослушная жизнь сильно раздражала власть, которая пыталась её втиснуть в пропагандистские рамки. Диссидентка всячески сопротивлялась и лезла напролом, а власть – доходяга всё больше от неё отставала.

В отличие от больной власти, здоровый народ от жизни не шархался, а старался за ней поспеть. Он со смехом оглядывался назад – туда, где на заре ксегенской власти застряла ксегенская пропаганда. В погоне за счастливым настоящим лимонцы разбирались по национальным командам – так было легче бежать. Вперёд выбивалась то одна команда, то другая;

на беговой дорожке были свои чемпионы и свои аутсайдеры; за ними наблюдали команды, которые только готовились к бегу или уже сошли с дистанции. Тон задавала ейверская команда, которая дружной толпой выдвинулась в лидеры. Непреодолимой черты оседлости на беговой дорожке не было, а рытвины и ухабы казались многоопытным ейверам детскими игрушками. Повсюду на дороге были расставлены водяные, которых ксегенская власть провозгласила «старшими братьями» нацменов. Пропагандистские лозунги пестрели по всей стране, но лимонцы не обращали на них никакого внимания, потому что лозунгами сыт не будешь. Водяные давно привыкли быть, как все; как все, любили страну и стыдились её маразма; как все, про власть говорил «они», а про страну – «мы»; как все, на политзанятиях страдали от мировой политики, а в магазинах – от хамского сервиса; как все, жили в одинаково хорошей жизни и рвались к лучшей; как все, хотели работать не на власть, а на себя – и искали тёплое местечко; как все, не верили в сказочный коммунизм, а верили в родную Лимонию; как все, от образованности накапливали таланты, а от неудовлетворённости теряли профессионализм; как все, с молоком матери впитывали социалистическую пропаганду, а по дороге к счастью заражались капиталистическими пороками.

9

Ринама Волокоса долго была, как все, пока не разгадала государственный секрет. Это случилось в полузасекреченном учреждении под названием «почтовый ящик». До этого она работала в простой ксегенской школе учительницей цинафрийского языка. По сравнению с детским домом, куда она попала по распределению, школа была шагом вперёд, но надо было бежать дальше – к счастливому настоящему. В «почтовом ящике» Ринама работала младшей переводчицей – должность не весть какая, но она рассчитывала перейти в старшие. Военные и гражданские переводчики переводили техническую документацию для цинафроговорящих стран и поэтому были наполовину засекреченными.

Ох уж эта лимонная секретность! Над ней потешался весь ксегенский народ, но, разумеется, втихомолку, потому что громко было нельзя. Во всех странах есть свои табу, но в Лимонии их число перешагнуло через все мыслимые и немыслимые пределы. Экстремальная засекреченность создавала впечатление, что в ксегенском государстве ничего не происходит и ничего не может произойти. Как лимонцы соскучились по происшествиям! Они пытались их создавать самостоятельно, но чуть ли не каждая инициатива была наказуема. Маразм крепчал, а ксегенский народ становился всё беспечней и веселей. Патриотически настроенные граждане ещё верили, что поголовной засекреченностью страна борется со смертельно опасным, коварным, вооружённым до зубов капиталистическим противником. Но они не догадывались, что ксегенская пропаганда боится гласности, которая непременно разоблачит её полуправду; где это видано, чтобы пропаганда занималась собственным разоблачением!

Ринама веселилась вместе со всем народом, но в «почтовом ящике» с неё сбили весёлость. В своей молодой жизни Ринама не видела ничего подобного. Вообще ей везло в жизни, хотя и не сразу. Она родилась в Каубе – столице Байернаджазской республики ксегенского государства. Она очень любила свой родной город, «но странную любовь». Было много вещей, которые мешали любви. Например, хамство обслуживающего персонала, который не столько обслуживал, сколько хамил, потому что занимал прибыльные должности и не прибыльные посетители его раздражали; хорошо поставленная система взяточничества под местным названием «даш – баш»; бытовые межнациональные конфликты, которые провоцировали Ринаму «убираться к своим водяным»; сильный криминал, пугавший каубцев по ночам; сексуально озабоченные байернаджазские нацмены, от которых не было житья ни днём, ни ночью. Впрочем, нацменами они были для далёкого всемогущего Жевберна, а в своей республике они были нацболами. В нацменах как раз ходили водяные, а также десятки других наций, населявших Байернаджаз. Водяные гуляли по Каубу под большими лозунгами в свою честь, но это были только слова, которые не имели никакого практического подкрепления. К ним относились, как к безвкусному декору, без которого невозможно обойтись, и терпели вкупе с другими лозунгами, как то: «Слава ксегенскому народу!» или «Привет миллионному съезду!» Водяные учились в водяных учебных заведениях вместе с другими нациями, среди которых, кстати, были и байернаджазцы, предпочитавшие более надёжное водяное образование. Всюду бывшие имперцы, превратившиеся в «старших братьев», имели право и возможность разговаривать со своими «младшими родственниками» на родном водяном языке – вот, пожалуй, и все водяные преимущества, которые нация обязана была отрабатывать, исполняя свой священный ксегенский долг. Водяные честно заслужили свои «привилегии», служа связующим звеном между всеми ксегенскими нациями.

В результате получилось дружное сообщество людей, населявших солнечный Байернаджаз. Люди разных национальностей вместе учились, работали, отдыхали, веселились, печалились, спорили, конфликтовали, влюблялись, боролись, ненавидели. Они сообща любили

свой родной Кауб, свой родной Байернаджаз, своё родное ксегенское государство и ненавидели «отдельные недостатки», которых было очень много.

Ринама любила вместе со всеми, а также самостоятельно – свою маму, своего папу и своего брата. Мама и папа были заслуженные, а брат катился по наклонной плоскости, где его удерживали от падения в пропасть близкие, любящие люди. Мама Генивея принадлежала к водяной нации и родилась в Водяной ксегенской республике – в крупном, богатом селе под названием Коноваловка. Все жители Коноваловки – водяные – говорили на чистейшем ниакурском языке (сказывалась близость другой ксегенской республики – Ниакуры, на территории которой Коноваловке довелось побывать на заре ксегенской власти). Папа Генивеи был рабочим, которого ксегенская власть выучила и выдвинула в начальники. Кроме этого, на протяжении жизни ему пришлось быть солдатом и командиром в четырёх войнах: первой мировой, гражданской, финской и второй мировой. Отовсюду он возвращался с наградами и ранениями, с последней страшной фашистской войны он вернулся с пулей около сердца и прожил с ней до восьмидесяти четырёх лет.

Мама Генивеи окончила церковно-приходскую школу и до революции прислуживала барыне. Выйдя замуж, она работала только на семью; на ней держался весь дом, который в Коноваловке назывался «хатой», и большое, зажиточное хозяйство. Генивея была старшей из трёх детей. Она росла смышленной и боевой девочкой. По моде того времени много занималась спортом и всегда ходила в лидерах, мечтала о героической профессии моряка или лётчика. В конце концов из чувства противоречия выбрала море (которое видела только в кино), потому что все друзья грезил о небе. Её учёба в Товсорском мореходном училище совпала с началом второй мировой войны. Когда миянгерские фашисты приблизились вплотную к Товсору, мореходное училище эвакуировалось на Казкав, где не было войны и было много еды.

Генивею, конечно, избрали комсомольским вожаком, а потом приняли в Коммунистическую партию. Вместе с другими курсантами девушка рвалась на фронт, но «друг всех моряков» Линтас лично попросил молодых патриотов продолжить учёбу, так как страна остро нуждалась в морских кадрах. После окончания училища Генивею направили на работу в Байернаджаз, чтобы она крепила дружбу народов и хилый байернаджазский флот. Там энергичный и трудолюбивый штурман быстро пошла в гору, но её карьеру подпортил завистливый молодой капитан Тиймирд, за которого влюблённая Генивея вышла замуж. Тиймирд был красивый и образованный мужчина с широкой водяной душой. Он родился в маленькой казкавской Еччне, где его отец устанавливал ксегенскую власть. Так же, как отец Генивеи, отец Тиймирда побывал на четырёх войнах. На последнюю – вторую мировую – он отправился в звании капитана.

Сын Тиймирд, которому было четырнадцать лет, убежал на фронт разыскивать отца. Ему это удалось, и безусый рядовой воевал бок о бок с любимым отцом; бил фашистов из миномёта и ходил в атаку, ловко орудуя штыком против здоровых, взрослых мужчин.

С фронта он попал в госпиталь, а из госпиталя – в байернаджазское мореходное училище. Сначала у Тиймирда ничего не было, кроме ранения и боевых наград. Но способный храбрый морячок быстро сделал блестящую карьеру; он играючи перевыполнял план по ловле кильки, кутил в ресторанах, менял, как перчатки, женщин и в конце концов остановился на самой лучшей – голубоглазой помощнице капитана, о которой вздыхал весь байернаджазский флот.

Его мужскому самолюбию льстило, что строгая Генивея предпочла его всему остальному флоту; но то же самое самолюбие не могло вынести, чтобы женщина была равной мужчине. Поэтому как только стало известно о назначении Генивеи капитаном, он тут же отправился в Управление байернаджазского пароходства, чтобы помешать карьере жены. Расчёт водяного казкавца попал в самое яблочко. Начальник пароходства пошёл навстречу

заботливому супругу и освободил от обременительных обязанностей капитана обременённую будущим ребёнком стеснительную женщину. Ни о чём не подозревавшую Генивею это решение крайне изумило, но она совсем не огорчилась, потому что не она гналась за карьерой, а карьера гналась за ней.

Что касается ребёнка, то Миад появился на свет только через три года, а ещё через восемь лет родилась Ринама. Она была поздним ребёнком и любимицей всей семьи. Папа сдувал с неё пушинки, брат защищал от дворовых хулиганов, а за мамой она вообще была, как за каменной стеной. Тем не менее жизнь в семье не была безоблачной. В необъятной водяной душе Тиймирда Генивея занимала слишком мало места. По мере того, как его душа заполнялась чужими женщинами, терпение законной супруги иссякало; в конце концов оно лопнуло, и Генивея ушла из души и из жизни Тиймирда, захватив с собой детей. Водяная душа ловеласа выдержала это испытание, а водяное сердце сдало темп работы. Оно припомнило Тиймирду военные ужасы, трудовые конфликты, бытовые неурядицы – и разразилось инфарктом. В Каубе капитану больше делать было нечего, и он вернулся на маленькую родину – в Еччню. В бывшей семье появлялся наездами, чтобы провести и поддержать детей. Его поддержка была не столько материальной, сколько моральной, поэтому Генивее пришлось поднимать детей одной. Самоотверженная женщина превыше всего ставила свой материнский долг, ради которого покинула море и устроилась на «земную» работу. На земле она выиграла в досуге, но проиграла в зарплате, во-первых, потому, что на суше не существует должности штурмана, а во-вторых, потому, что в ксегенском государстве можно было по пальцам пересчитать высокооплачиваемые профессии. Генивея начала со скромной работы в Управлении байернаджазского пароходства. Но вскоре честолюбие, работоспособность, честность, коммуникабельность, ум и характер сделали своё дело – и, как из рога изобилия, посыпались должности и награды. Конечно, её выбрали секретарём партийной организации байернаджазского пароходства, но в номенклатуру не пропускали, потому что она была чересчур честной и чересчур справедливой. Уделовой и практичной Генивеи от работы оставалось много свободного времени, которое она целиком и полностью посвящала Миаду и Ринаме.

На работе она была образцовой служащей, а дома – образцовой мамой. Дочь, как губка, впитывала образцовое мамино воспитание. Она очень хорошо училась, много читала и много дружила; занималась баскетболом и пела в хоре; играла в школьных спектаклях и изучала цинафрийский язык; ходила в кино, в театры и на концерты; вкусно ела и хорошо одевалась; с мальчиками не гуляла, не курила и не сквернословила; была честной, красивой, гордой, умной и обаятельной. Чтобы не испортить образец, Генивея брала на себя всю грязную и чёрную работу, позволяя образцовой белоручке расти заносчивой, вспыльчивой и надменной. Миаду она ничего не позволяла, и он рос полной противоположностью сестре. В наказание Генивея не брала сына в путешествия, к которым образцовую дочь приучала с раннего возраста.

10

Вместе с мамой Ринама объездила чуть ли не все республики огромного ксегенского государства. Страна занимала шестую часть планеты, и на её разнообразной территории разные люди жили по-разному. И всё же повсюду потихоньку текла узнаваемая устоявшаяся ксегенская жизнь, в которой Ринама чувствовала себя, как дома. Правда, в некоторых местах ей напоминали, что она приехала в гости; например, в Катрибилпе, которая присоединилась к ксегенскому государству перед второй мировой войной и не ощущала себя вполне ксегенской. На протяжении лунной истории Катрибилпа то входила в состав Лимонии, то выходила из неё. Коренные жители редко жили независимо, чаще всего они являлись чьим-нибудь придатком. Поэтому Катрибилпа была населена разными народностями, к которым аборигены относились настороженно, оберегая чистоту катрибилпийской крови и катрибилпийского языка. Тем не менее в Катрибилпе тоже были смешанные браки, но совсем немного, особенно по сравнению с Каубом. Как правило, байернаджазцы с удовольствием женились на водяных девушках, которые тоже охотно вступали в смешанные браки, потому что надо было выходить замуж, а по статистике на десять водяных девчонок приходилось девять водяных ребят. Ещё меньше в Катрибилпе было вывесок на водяном языке, на что ксегенская власть смотрела сквозь пальцы. Вообще она явно ослабила вожжи в этом привилегированном крае, не мешая катрибилпийцам обеспечивать себя продуктами и товарами. Те лимонцы, которым ксегенская власть очень сильно мешала, приезжали в Катрибилпу отовариваться. Коренные жители с большим трудом скрывали неприязнь к приезжим согражданам, отворачиваясь от людей, говоривших на чужом языке.

Ринама с клопочущим возмущением относилась к националистам; они были чужие, а все остальные лимонцы – свои, близкие, понятные. Среди близких и понятных байернаджазцев было немало сексуально озабоченных хулиганов, которые доставляли Ринаме много беспокойства и неудобств. После окончания средней школы девушка убежала от них в Водяную республику, где неустанно гонялась за синей птицей счастья. Со второй попытки Ринама обосновалась в столице Водяной республики и всего ксегенского государства – непреодолимо притягательной и совершенно невозможной Совкме. От всех других городов Лимонии столица отличалась невероятными размерами. В ней всё было громадно: дома, проспекты, парки, в которых копошились человеческие муравейники, от которых отбивались отдельные особи, терявшиеся в необъятных столичных просторах. Совковые особи сновали вперёд и назад, сталкивались друг с другом; как муравьи, узнавали «своих» по запаху; однозапаховые кучковались, а разнозапаховые разбегались в разные стороны.

Когда Ринама приехала в столицу в первый раз, её острому обонянию все совковые запахи показались чужими. Она с треском провалилась на первом и главном вступительном экзамене в Институт иностранных языков. Она не сдала цинафрийский язык; и в этом не было ничего удивительного, так как от абитуриентов требовалось абсолютное знание чужого языка. Огорчённая, но не сдавшаяся девушка возмечтала о том, чтобы чужие совковые запахи стали ей родными. (Как всегда, она добилась своего, хотя покорение Совкмы продолжается до сих пор, потому что этот город непобедим). Вторую попытку Ринама предприняла через год, и она оказалась успешной. Настойчивая и скрупулёзная работа под руководством опытного репетитора ейверского происхождения – обаятельной и очаровательной Ребекки Ивановны – наконец увенчалась успехом – и Ринама поступила на цинафрийский факультет Совкового Педагогического института. Она сняла комнату в коммунальной квартире в самом центре Совкмы – в Рушниковом переулке – и приступила к дегустации совковых запахов. Очень скоро выяснилось, что все запахи были родные, ксегенские, только со своеобразными столичными нюансами. Ринама шархалась от запахов алкоголя, никотина

и мужского пота; зато, как бабочка, летела на соблазнительные запахи тонких духов под цинафрийскими названиями «Папийон», «Клима» и «Шанель». Кроме того, её привлекали насыщенные запахи неуёмной рушниковой толпы и знаменитых столичных театров; головокругительные запахи совковых парков и танцплощадок; вкусные запахи кафе, кулинарий и магазинов; пресные запахи библиотек и кинотеатров. Способная девушка везде успевала и при этом была на хорошем счету в институте. В Совкме она ела и одевалась ещё лучше, чем в Каубе, потому что в столице было всё на любой вкус; но Ринаме не нужно было всё, а только то, что ей больше всего нравилось. Она получала то, что хотела, с помощью неиссякаемой энергии, которую щедро растрачивала в немеренных совковых очередях; а также с помощью неиссякаемых денег, которыми её снабжала классическая мама, вернувшаяся на море в качестве пассажирского помощника капитана. Однако на первое место девушка ставила помощь друзей, которых в неистошмой столице было видимо-невидимо. Ринама чувствовала себя в Совкме, как у себя дома, – в своём родном Каубе. Повсюду была Родина, родные ксегенские люди-добропорядочные, отзывчивые, сердобольные. С их помощью Ринама поселилась в тихой коммунальной квартире с интеллигентными соседями, которые тоже стали её друзьями. Но больше всего друзей она нашла в родном институте. Педагогический институт был большой, состоял из пятнадцати факультетов, разбросанных по всей Совкме. Они различались по профилю и по профессионализму. Цинафрийский факультет был одним из лучших, а может быть, самым лучшим. Его профессиональный и человеческий уровень определялся уровнем преподавательского состава. На факультете работали высокоинтеллигентные люди; каждый из преподавателей был, как минимум, интересной личностью. Им удалось создать атмосферу трудового соперничества, свободы самовыражения, взаимного уважения, почитания таланта и красоты. Половина преподавателей цинафрийского языка относилась к водяной нации, другая половина – к ейверской; и в этом не было ничего удивительного, во-первых, потому, что республика была водяная, а во-вторых, потому, что ейверы в ней обжили лучшие места. В политику эту многострадальную нацию не пускали (вероятно, сказывался линтасский синдром), на фабрики и в колхозы она сама не шла (вероятно, чуралась тяжёлого физического труда), а вот около заграницы ейверов было очень много. Дело в том, что цинафрийский факультет находился очень близко к загранице, и все преподаватели и студенты были выездными. Они ездили в Цинафрю и в цинафроговорящие страны, в то время как цинафрийцы приезжали к ним на факультет. А заграница – это деньги, это «тряпки», это перспектива. Жившие по дарвиновскому закону ейверы зарабатывали широкую жизненную перспективу трудом, талантом, жизнеспособностью, национальной круговой порукой. Они легко просачивались сквозь разрозненных водяных – всё дальше и дальше, за самую далёкую границу – и оседали там навсегда.

11

Ринама пережила на факультете первый массовый исход ейверов в страны обетованные. Это был апогей «холодной войны». Победа всё больше склонялась на сторону противника, опиравшегося на ксегенских диссидентов. Про них Ринама впервые узнала на факультете, а потом прочла в официальном справочнике. Оказалось, что в Лимонии есть люди, которые не приемлют ксегенскую власть, и этих диссидентов очень мало. Власть с ними борется и в наказание высылает за границу; диссиденты сопротивляются изо всех сил и иногда в знак протеста сами туда уезжают, если, конечно, прорываются сквозь «железный занавес». В это же время Ринама впервые познакомилась с «самиздатом», где печатались диссидентские авторы. Она не заметила большой разницы между диссидентским и ксегенским литературным творчеством и пришла к выводу, что диссиденты – такая ксегенская каста, которая по разным причинам не нравится ксегенской власти. Впрочем, Ринама не долго читала нелегальную литературу, потому что признанные властью писатели и поэты ей нравились больше. Её родные факультетские ейверы, сбежавшие в другие страны, не были диссидентами; они были «колбасниками». Так в народе называли лимонцев, прорвавшихся «железный занавес» в поисках «манны небесной». В массовой эмиграции семидесятых годов XX века преобладала ейверская нация, внемлющая зову предков. Он раздавался из молодого ейверского государства Зальрии, появившегося, кстати, при поддержке всемогущей Лимонии. Зальрии нуждался в ейверских гражданах, а они были разбросаны по всей Луне; но больше всего ейверов проживало в Акимере и в Лимонии. Зальрийские власти развернули пропаганду по всему антилимонному фронту, чтобы выудить из ксегенского государства как можно больше потенциальных соотечественников. Им помогали акимерзкие власти, которые взяли Зальрии под своё покровительство – в качестве «холодного орудия» в беспощадной «холодной войне». Кроме «холодных» боевых действий, ейверское государство вело «горячие» боевые действия против бараев, стремившихся вернуть отобранные у них земли. Для защиты отвоёванной территории Зальрии нуждался в пушечном мясе, которое в большом количестве проживало в ксегенском государстве. Это «мясо» со всех ног бросилось на штурм «железного занавеса», протискиваясь в пропагандистский проём, который капиталисты прорубили в Лимонию. К ейверам присоединились «колбасники» других национальностей, разбежавшиеся по белу свету в поисках мясной колбасы, коньячных конфет и продажных женщин. Среди искателей капиталистических приключений затесались преподаватели и студенты цинафрийского факультета. Они все были ейверами и ринаминными друзьями. Их было немало, во-первых, потому, что у Ринамы было много друзей, а во-вторых, потому, что на факультете было много ейверов, которые, как рыбаки, видят друга издали. Напрашивается вопрос: как высокоразвитые ринамины друзья превратились в зальрийское пушечное мясо? А они в него и не превращались, потому что никто из них не поехал на родину предков. В Лимонии эти люди имели всё, кроме высокого уровня жизни. Вместо того чтобы ждать у моря погоды, они отправились по течению капиталистической пропаганды в богатые страны за лёгкой и красивой жизнью. Сквозь призму пропаганды эти государственные иждивенцы смогли разглядеть только блестящую импортную упаковку, которая слепила им глаза. Они обижались на родное ксегенское государство, как дети обижаются на родителей за то, что те их кормят не конфетами в красивых обёртках, а манной кашей и рыбьим жиром. Впрочем, для большинства ейверов большой родиной являлась вся вместительная Луна, а малой родиной – то конкретное место, где им лучше всего жилось. Варясь в собственном соку в необъятной ксегенской железной кастрюле, ксегенские ейверы стали по-ксегенски наивны и доверчивы. Рядом с ними варились другие народности, которые все вместе составили великий ксегенский народ. Небывалое сообщество сформирова-

лось на основе потрясающей лимонной пропаганды и потрясающих условий жизни. На протяжении десятков лет изо дня в день лимонцам приходилось выслушивать сказки о том, что без созревшего пролетариата нигде ничего хорошего быть не может. Причём сам лимонный пролетариат к этой неумной пропаганде не имел никакого отношения, так как в ксегенском обществе не было передового привилегированного класса, а придушенных Линтасом рабочих ксегенская власть использовала в своих целях наряду с другими лимонцами. Ещё одним краеугольным камнем ксегенской пропаганды было обещание скороспелого коммунизма, который ассоциировался с земным раем. После того, как, вопреки предсказаниям недалёкого Вёрщуха, коммунизм не созрел к обещанному сроку, лимонцы, наконец, стали догадываться, что ксегенская власть пудрит им мозги и вешает лапшу на уши. Образованность, которой пичкали народ, находилась в обратно пропорциональной зависимости к коммунистической вере. Когда лимонцы намного превосходили доходягу Жевберна в грамотности, они окончательно потеряли к власти доверие и стали к ней в оппозицию. Но от пропаганды деваться было некуда; она требовала к себе постоянного внимания, и лимонцы относились к ней, как школьники относятся к правильной учительнице, талдычащей прописные истины. Они добросовестно усваивали хорошие правила, но им всё время хотелось нашкодить. В кромешной тьме они слушали вражеские радиоголоса, которые разоблачали ксегенскую пропагандистскую полуправду. Они ещё не знали, что на самом деле эта полуправда была четвертьправдой. Но наивные и доверчивые лимонцы не знали и другого: откровенная капиталистическая пропаганда сама была четвертьправдой. Она пудрила ксегенским гражданам мозги капиталистической пудрой и вешала им на уши капиталистическую лапшу. Капиталистическая волшебница манила лимонцев, как Хозяйка медной горы, и разнонациональные зомби очертя голову устремлялись на её зов, проходя сквозь железную стену вместе с килограммами драгоценной лапши на разбухших, утомлённых ушах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.